

Алмаз Браев

ЗЕРЕФ

ПОРЯДОК — ВОЙНА

Алмаз Браев

Зереф. Порядок – война

«Издательские решения»

Браев А.

Зереф. Порядок – война / А. Браев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938617-5

Какая группа рефлексии доминирует в данном народе, так себя этот народ и ведет в действительности и на исторической сцене. Следовательно, описываемая группа делает историю народа. Сегодня вы узнаете, кто такие зерефы. Это самая первая и массовая группа.

ISBN 978-5-44-938617-5

© Браев А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Глава I	9
Кто такой зереф	9
Глава II	12
По ту сторону добра	12
Глава III	14
Пусть у всех будут такие ворота	14
Глава IV	15
Время пришло	15
Глава V	20
Род и мобилизация	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Зереф Порядок – война

Алмаз Браев

© Алмаз Браев, 2019

ISBN 978-5-4493-8617-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новая схема познания общества

Это первая книга ревкона, которая выходит в печатной версии. Следом должны выйти ещё несколько книг. Читатель познакомится только с одним типом различения людей, которое создаёт человеческая эволюция. Это не только социальные типы, это также не стереотипы, к которым уже все привыкли. Кроме сексуального подтекста или мотивов поведения человека есть ещё более точные ресурсы, вырабатываемые как самим человеком, так и под влиянием других людей, вернее само общество довлеет и воспитывает всех и каждого. Люди делятся не только на привычные по марксизму классы, социальные, профессиональные и прочие группы, на холериков, флегматиков, меланхоликов. Это настолько важное различие, что затрагивает даже не группы и классы, а целые культуры, народы. «Но почему бы не назвать это различие культурным?» – скажет читатель. Потому что просто культурой это не понять. На самом деле, люди имеют разную рефлексию. Это своеобразное проявление душевных качеств группой одинаковых людей. Люди, как известно, все разные. Точно так же социальные группы, классы и даже народы имеют точную рефлексию. И какая группа рефлексии доминирует в данном народе, так себя этот народ и ведёт в действительности и на исторической сцене. Следовательно, описываемая группа делает историю народа. Сегодня вы узнаете, кто такие зерефы. Это самая первая и массовая группа.

- Глава I. Кто такой зереф
- Глава II. По ту сторону добра
- Глава III. Пусть у всех будут такие ворота
- Глава IV. Время пришло
- Глава V. Мобилизация
- Глава VI. Зерефный «язык»
- Глава VII. Пустая середина
- Глава VIII. Люди порядка и войны
- Глава IX. Обычай
- Глава X. Фольклорный натиск
- Глава XI Как зерефы выбирают
- Глава XII Голодомор
- Глава XIII. Грузины, армяне, нохчи
- Глава XIV. Голодомор 2
- Глава XV. Вольница
- Глава XVI. Казахи и евреи
- Глава XVII Ты бог! Ты личность!
- Глава XVIII. Обладали ли индейцы прогнозом
- Глава XIX. Думай о себе

Глава XX Почему не нужна оппозиция
Глава XXI Улыбки и крах
Глава XXII Почему не хватает любви
Глава XXIII Зерефы
Глава XXIV Честность – это слабость
Глава XXV Мы – националисты и либералы?
Глава XXVI. Ошибка революций
Глава XXVII. Отсчёт традиционный
Глава XXVIII. Выдумка Гумилёва
Глава XXIX. Мы и арабы
Глава XXX. Дикарь и фрайер.
Заключение

Введение

Противостояние

Эта книга первая из серии ревкона. А у ревкона для каждого вида рефлексии будет отдельная книга. Это значит, будут книги с названием «Ремид», «Зеремид», «Рефаг», «Зелот» – сколько ревконовских рефлексий, столько будет и книг. И все они выйдут серией.

Теперь, что такое сам ревкон?

Ревкон – это неологизм, сокращение двух слов: революция и консерватизм. В мире до сего момента было два вида обществ – индустриальные и традиционные. И само противостояние шло глобально на уровне противостояния традиции и рынка. Противостояние традиции и рынка носило (и носит) разное название и происходило (и происходит) по всем направлениям, но масштабное внедрение рыночной культуры среди традиционных народов носит сегодня название глобализма.

Глобализм сам по себе унифицировал народы, то есть сделал в перспективе все народы похожими. Так вот, каждый народ встречает (и встречал) эти самые рыночные отношения по-разному и сопротивляется (и сопротивлялся) по-своему. Это каждое сопротивление рынку в ревконе отражено по уровню рефлексии. Хотя и сопротивлением-то это не назовёшь. Скорее, обречённостью. Народы сопротивляются рынку как бы без охоты. Самое главное: все народы, к которым пришли (и приходили) рыночные отношения, находятся (и находились) на разной стадии. Сопротивляются (и сопротивлялись) рыночной культуре только радикальные традиционалисты. Это очень пожилые, или по-другому, люди старших возрастов. Люди помоложе, а таких всегда больше просто по законам природы, встречают рыночные реформы даже с большим желанием. Почему это происходит, вы также найдёте ответы. Кроме того, в ревконе вы найдёте ответы на другие разные злободневные вопросы.

Противостояние чего с чем или кого с кем?

Прежде всего, это противостояние старого и нового, старого порядка и старой элиты и новой, революционной группы. Кто эти люди? Какие люди против новизны, а какие люди её хотят? Это противостояние может происходить не обязательно внутри одной общины или даже среди соседей внутри (в пределах) материка. Революции сознания или просто вирусы нового приходили вместе с другими людьми. Это могли быть мореплаватели, путешественники, конфессионеры, пришедшие вместе с авантюристами и разбойниками-завоевателями (сегодня пришли биржевики, банкиры, спекулянты). Некоторые народы, достигшие уровня государства, насильственно объединяли всяческих локальных патриотов, свержали их и образовывали более крупные социумы – империи, орды. Потом эти самые орды и империи сами рушились по каким-то неведомым законам. Причём уже имперскую элиту свержали варвары, которых в прошлом побеждали имперцы. Всё это происходило под девизом: «Больше пространства мне и моему народу!» А сегодня всё происходит под девизом: «Больше пространства мне и только мне!» Всем не хватало пространства, какого-то духа власти или свободы: и варварам, и их цивилизаторам, и рабам, и их господам, и завоевателям, и завоёванным. В современном варианте новое противостояние выглядит внедрением рыночных ценностей для традиционных народов, да-да, всё тех же традиционных народов, для которых голос крови, общины или равенства так важен (или, скорее, это лицемерие важности, чтобы пробиться побыстрее к кормушке через кровь и майдан).

Но про это мы поговорим позже. Или, скорее, вы сами найдёте ответы по мере увлекательного чтения. Желаю приятных минут и часов. До встречи на самой последней странице самого последнего тома. Самое главное нам всем – быть готовыми, или по-другому – встретить

эту самую глобализацию во всеоружии, или даже извлечь из новых требований выгоду. Задача ревкона – сохранить свой народ.

Глава I

Кто такой зереф

Зереф – это неологизм из двух слов: зеро и рефлекс – рефлексия. У зерефа очень слабая рефлексия, почти что зеро, нуль, очень зачаточная рефлексия. Почти как у ребёнка. Да и почему почти? Если мы говорим о традиционном обществе, то каждый человек в подобном социуме растворен в своей общине. В традиционной общине человека как бы есть и его как бы и нет. Есть люди, разделённые по возрастам и выполняющие строго свои обязанности. Зереф с рождения подчиненный иерархии. Что это за система. Самые главные в иерархии – это старейшины. Затем идут остальные родовые авторитеты, но они также все очень старые. В общем, все наставники в традиционной общине – это обладатели жизненного опыта. Старейшины, авторитеты рода, учителя – все они управляют народом, который в свою очередь управляет зерефами. Отцы зерефы воспитывают сыновей-зерефов. В подобной схеме старшинства и опыта думать не надо, надо выполнять. Навыки почитания учителей или просто старших по возрасту отбивают желание рефлексировать, то есть погружаться в себя, задумываться. Потому зерефы напоминают обычных солдат общины, эдаких муравьёв – у каждого муравья своя задача, свой участок работы. Человеку незачем и некуда погружаться. Его поведение расписано другими. Если он будет подчиняться более опытным людям племени, он обязательно добьётся успеха. Пословица «Смирный телок двух маток сосёт» хорошо объясняет, как добиться успеха среди зерефов. В дальнейшем этим феноменом малой рефлексии мы объясним массовое явление другой народной мудрости: я начальник, а ты дурак. В современных условиях традиционные народы совершенно не избавились от старой парадигмы, наоборот, развили её и углубили. Даже если на поверку это оказывается отрицательной селекцией и дурак меняет дурака или вор вора. Но всё равно традиционные люди убеждены, что «всякая власть от бога». Получается, что и коррупционная власть выгодна традиционному народу?

Рефлексия развивается самим человеком. Потому что человек сам думает. За него никто думать не будет. Чем старше он становится, тем больше должен (оценивать свои поступки и степень их адекватности. Чем выше рефлексия человека, тем он больше погружается в автономность. Тем он более самостоятелен. Тем ярче его поступки. Но откуда эти поступки берутся? Тем более в традиционной общине. А вот откуда: каждый вышестоящий член коллектива давит на нижестоящего, давит сверху вниз, нижестоящему просто нет времени сопротивляться, он должен «сосать» вымя, если сможет, то сразу у двух маток и ещё кое-что у начальников.

То есть ему неоткуда взять сил для сопротивления?

Есть люди, которые совершенно в себе ничего не развивают. Не развивают и так и доживают до старости в природном зачатии и развитии на нуле. Многие ничего не добиваются, даже досасывая все «матки» начальников. Их просто используют как холопские щепки, пушечное мясо, расходный, строительный материал. Про таких ещё говорят: копят не мудрость, а только годы. То есть такие люди проживают жизнь как бы зря и не превращаются в человека. Превращаются «в человека» только самые преданные лицемеры у трона. Кому повезло быть рядом с очередным диктатором. Но и им же не везёт, если диктатора свергнут. Пан или пропал?

Как говорится, не судите и не будете судимы.

Мы же знаем, что всем детям на свете поступки ставят взрослые. На том уровне ставят, пока ребёнок сам думать не умеет. Значит, на уже готовом уровне, на своём опыте, то есть на том багаже, на каком сами эти учителя жили до того. И, конечно, на опыте предков. Ребёнку или подростку здесь думать не надо или, скажем, глубоко думать, задумываться не требуется.

Ну так вот. Первый уровень автоматических поступков – это уровень чётких категорий – категоричный уровень.

Первый уровень традиции – это уровень табу.

Что можно, что нельзя. Очень жёстко и чётко. Например, кушать человека (своей крови хотя бы) нельзя. Заниматься сексом с родными категорически запрещено. И тому подобное очень жёсткое нельзя. Противостоять учителям нельзя. Всё, что говорит отец – это есть всегда правильное указание. За нарушение дисциплины следует наказание. Самое суровое наказание – это наказание за нарушение табу. И в других случаях заслушивание идут не менее жёсткие наказания. Подрастая, маленький зереф понимает, что главные его друзья в мире – это все люди его крови. Его братья, сёстры, тётки и дядьки его племени, его рода. Они будут сопровождать его всю его жизнь в родовом коллективе. Родственники будут осуждать его или, наоборот, поддерживать морально, хвалить и поощрять. Главные судьи по жизни у зерефа – это родственники. Это их привилегия казнить и миловать морально. Зереф вырастит, «отсо-сёт» у маток племени и сам будет учить новое поколение зерефов.

Мораль – это второй уровень традиции.

Этот уровень есть у всех традиционных народов как накопленный опыт гармоничного проживания и даже выживания. Мораль, или традиционная мораль, лежит в основе всех традиций и у всех народов она приблизительно одна. Если народ поддерживает и сохраняет свою мораль, значит, этот народ может смело смотреть в будущее. При одном условии: если данный народ и каждый человек развивает в себе сознание, потому что подсознание каждого само по себе богато, оно состоит из снов и смутного хаоса, а зереф без учителей развивает в себе только инстинкты. Уберите учителей, хотя бы унижьте их зарплатой, статусом нищих, и зерефы перебьют друг друга, не сразу конечно, но они это сделают обязательно.

Нет учителей, нет и зерефов.

Удовлетворение только физиологии абсолютно не ведёт к развитию, хотя бы оттого, что человек это человек, а не животное. Надо как-то от животного отличаться. Каждый должен подумать, да и каждый так и думает. В традиционном человеке много хорошего, это хорошее как бы врождённое, оно же подсознательное – это наследство от хороших предков. О таком народе говорят, что это перспективный народ. Трудолюбивый, покладистый. Или, наоборот, воинственный и непокорный. Но сегодня даже этого мало. В человеке много и плохого. 90% в человеке – это инстинкты. Обуздать животные инстинкты удаётся именно зерефам. Иначе цивилизация не получила бы готовых к модернизации людей. Зерефы, которые потеряли своих учителей, но продолжают делать всё на автомате, то есть на поставленных навыках прошлого, становятся как бы слепыми. Они отстают в современном пространстве. Это часто ведёт только к радикализму. Если, например, традиционное население сразу вступает неподготовленными к рыночным отношениям, из них сразу готовят «личность», то все привычки прошлого становятся выпуклыми. Потому что у зерефов нет рефлексии, нет и полутонов. Всё, что ни сделает свободный от морали зереф, отныне будет радикально. Но ведь он теперь «личность»! Это оттого, что собственно думающих человек в его родне было очень мало. А учителей стало ещё меньше. А хороших учителей, может, и не было совсем. Так зереф становится дикарем радикалом или радикальным дикарем.

Дальние предки людей – это обезьяны.

И в стаде шимпанзе прослеживается чёткая иерархия. И собственно сознание человек обрёл «недавно» – 50 000 лет назад. А миллионы лет люди были обезьянами. Вот эти обезьяны подарили человеку инстинкты. С ними первым зерефам и пришлось бороться. Но бороться с животным началом человеку удастся двумя способами: это либо подчиняться учителям, либо самому думать научиться, то есть стать самому учителем. Это только в кино ребёнок рождается сразу от любви. Не проходит и девяти месяцев. Чтобы стать учителем, надо самому жизнь прожить. Или хотя бы быстро думать. Современные зерефы все умеют думать. Но их всё равно

тянет к возрождению традиции. Потому что самые умные из зерефов видят выпуклость или радикализм своих собратьев. Что это губительный радикализм.

Что такое хорошо и что такое плохо.

Учителя, или элита избранных, всегда стремились укротить обезьяну в своих людях. И воспитать каждого, чтобы человек был хороший и полезный обществу. Отсюда вбитые в подсознание рефлекс (хорошего и плохого). Человек узнает своих, родню и на автомате делает им хорошее. И полезное. Но стоит ему увидеть врага племени или селения, он становится свирепым и жестоким. Это есть зереф. Его рефлексия зеро – низкая. Зе-реф. Зеро – рефлексия. Полутонов нет. Встреча чужака будет радикальная. Он – чужой. Всё. Больше ничего не нужно.

Если же человек преодолевает первичные рефлекс, он растёт сознанием и душой. Вот такой зереф пользуется в ревконе уважением почётом. Но, конечно, это уже не зереф, а кто? Вы узнаете про то дальше. Короче, меньше эгоизма – больше альтруизма. Самые худшие из зерефов – это чёрствые, толстокожие, эгоистичные люди. Это мусор истории. Но зереф, не забываем ни на миг, всегда растёт. Растёт морально и духовно. Он думает. Он погружается в себя. Хотя мораль, конечно, в смутные времена очень хромает.

Получается, что зереф – это в первую очередь очень молодой человек, ребёнок, дитё малое или почти как дитё. Во вторую очередь, и самое главное – это традиционный человек. Человек, который знает своё место в строю, подчиняется иерархии. Он знает, что такое хорошо и что такое плохо по традиционному закону его селения. Поступки его поставлены. Но не им самим, а старшими по возрасту зерефами. Потому думает он плохо и не желает, кажется, думать совсем. А вот идти по следу ведущего и молчать на тропе войны или охоты ему необходимо. Тишина в окружающей его природе зерефу нравится.

Глава II

По ту сторону добра

Что есть добро для людей и что есть его продолжение во времени.

Традиция – это как режим добра во времени.

Что есть добро? Придётся отвлечься на такие мелочи. Добро есть нечто хорошее для человека. Человек зереф ждёт добра как куска мяса иногда. Если другой человек даст кусок, неважно чего, хоть сахара, хоть лазейку для карьеры, то он хороший, если не даст, то плохой и жадный. Это так называемая зерефная выпуклость. Слишком очевидное желание удовлетворить этот эгоизм. Вот так и за субъективным хорошим и плохим мы не замечаем традицию. А ведь на самом деле за выпуклым рыночным эгоизмом стоит культура. А что такое традиция? Все знают, что это социальная привычка, которую внедряют отцы. А для чего они внедряют? Чтобы у детей были куски. И эти куски не просто куски мяса, это куски жизни. Так и считайте традицию куском вашей жизни, которую надо прожить по кальке отцов.

Калька традиции: построить дом (соорудить юрту), наплодить наследников, позвать родню или гостей в гости.

В этом виде традиция слепа. Потому что если даже 90% народа понастроит дома и набьёт столы дорогими яствами, снеду для восторга гостей, это не есть хорошо. Это есть, прежде всего, показатель уровня хозяина дома. Он так выполняет заветы. И очень этим гордится. Но традиционный человек – зереф (рефлексия нуль) будет поступать вопреки всему. Ему даже не важно, кто будет отныне жрец и администратор. Главное для традиционного человека – семейная идиллия. Пусть родня соберётся за обильным дастраханом (за столом. – А. Б.) и позавидует ему. Зереф всё делает на показуху. Показывая достаток, зереф показывает свои возможности. Зереф тут всё выполняет по кальке. Он выполнил и даже перевыполнил насыщение и этому рад. Самое большое удовольствие и самое большое наслаждение сытого обеспеченного зерефа – это видеть зависть. Чтобы во время пира гости нахваливали стол с яствами, а также хозяина гостеприимного дома.

Всё это конечно в первую очередь показуха. Но кто не знает, то эти понты и есть показатель выполнения традиционных заветов. Хорошо все то, что есть приятное для зерефа. Если вы видите торжествующую в ресторанах толпу, это значит, традиционное общество ощутило очень много добра в том понимании зерефами удовольствия за обильным столом. А добро, мы знаем, есть кусок.

Проблема в том, что правительство в погоне за массовым добром не понимает, что оно делает на самом деле. В этом смысле традиция вредит государству. Хотя разве не будет богато то государство, где все граждане имеют куски добра? В том то и дело, что каждое семейное добро не собирается здесь в стратегическое добро или кусок другого значения. Зерефам нужен обильный стол, а государство вроде как бы и ни к чему. Кроме чиновников, которые тоже, кстати, зерефы. Значит, у них есть семьи, для них семья и традиция тоже выше общей задачи. Получаются большие зазоры. Иными словами, понты никак нельзя посчитать, а можно принять только за растрату или убытки. Традиционное общество в погоне за своим традиционным добром расходует общий ресурс, который каждому зерефу не интересен. Оттого зерефам не интересно даже своё будущее, которое они понимают лишь своим куском семейного добра.

Дело в том, что показатели добра, или куски добра, всё время меняются. И моду на уровень добра диктуют совсем другие люди. Оттого погоня некоторых самых богатых традиционалистов кажется бессмысленной. Вроде бы есть много добра, но аппетиты накопления не иссякают.

Но в общем и целом надо запомнить пока, что добро у традиционного человека всегда в виде куска. И если получит он это добро, должен его показать всем. Это почти идеология традиции показухи.

Глава III

Пусть у всех будут такие ворота

Здесь должно предъявить фото зерефа, стоящего перед прекрасными и дорогими, и очень высокими воротами с национальным (любого традиционного народа) орнаментом. Также для наглядности надо было бы показать возгласы других его традиционных товарищей (не обязательно узбеков, казахов, кыргызов, таджиков и т. д.). У всех без исключения нынешних традиционных людей и 100% у всех прошлых традиционных это возгласы восхищения и зависти типа: «bieno», «good», «ауминь», «пай-пай», «керемет» и в общем «маладесс»...

Кроме того, по этим же фото можно изучать историю происхождения феодализма.

Что характерно для феодализма? Наличие замков с высокими стенами и неприступными воротами. Когда феодалу нужно было пополнить запасы еды, он открывал ворота и забирал продукты, которые его крестьяне приносили под стены. Там же происходил обмен продуктами.

Вы можете представить город, состоящий из богатых особняков и прекрасных ворот – произведений искусства, с красными тряпками от сглаза? Вы не можете представить, вы это видите у себя почти каждый день. Возможно, вы сами живёте в таком доме с высокими воротами и красной тряпочкой.

Но весь вопрос: а существует ли для вас мир за вашими воротами?

Что такое государство, здесь уместно было бы задать и публике.

Люди традиции не создают общественный продукт.

Традиционные народы не создают общественного продукта.

Они активно потребляют дары природы. Когда народ или союз племён растёт в числе, он идёт войной на соседей, чтобы получить их земли и пустить туда свои тучные стада.

Точно в гармонии с природой люди более воспитанные в традиции и культуре рода заселяют большие города и... «пасутся», не создавая общественного продукта, а только потребляя, что чужая природа мышления создала в виде «травы» для поедания.

Очаги коррупции неизбежно возникают на наиболее «вкусных» участках с высокой и сочной травой. Туда устремляются все желающие.

=====

Рефлексия по Ревкону

зереф: большой дом – большая земля – большая родня;

зе-ре, первое поколение горожан (зереф – ремид): большой дом – большой джип – большой забор;

ремид: большая работа – должность – большое имя – большая слава;

зелот: большая страна, большой народ, большая империя – большая ракета.

Глава IV

Время пришло

Настало время показать, что каждый в отдельности человек традиции – непроизвольный деспот, а толпа, снующая вокруг него на улице, потенциально готова этому новому авторитету подчиниться: выполнить его указ, исполнить приказание, уважать даже за внешний вид, за понты, за деньги, за возможности, за надменную или самоуверенную манеру общения, в общем, встретить «по одежде».

Настало время наконец объяснить, почему демократия западного образца отличается от демократии родовой или свободомыслия и выбора в традиционном социуме.

Настало время убедить, что чисто этнический путь без примесей «путей» других этносов (в данном случае более рефлексивных групп) вместе с настоящими локальными и потенциальными фюрерами может погубить весь народ, не доведя его до всеми желаемого уровня пресловутой демократии.

Время пришло.

Табу: некоторые люди были табуированы от рождения, например вожди и вожди-жрецы, которые происходили от богов и от них получали магическую силу. Всё, до чего дотрагивался вождь, считалось табу для других из-за опасности для простых людей. Будучи продуктом жизнедеятельности первобытного человека, в ходе исторического развития ряд трансформировавшихся табу вошли в виде различных представлений, обычаев, ценностей и норм в мораль, религию, право и обыденную жизнь людей.

«Wundt называет табу самым древним неписаным законодательным кодексом человечества».

3. Фрейд

Но юридическое, тут же заметим, право возникает от активности, активной деятельности, чтобы обуздать эгоизмы субъектов спора. Этим юридическое право отличается от «врождённых» отношений или рыночное право и гражданство отличаются от родового этнического табу. Чтобы понять, а в некоторых случаях и обойти право, новый горожанин начинает хитрить. Это даёт толчок для антиобщественного, антигражданского и криминального творчества. В то же время кровнородственные отношения обойти почти невозможно. И подогнать под заказ даже высочайшего родственника, ибо это наказ веков, – святой наказ, приказ предков, если хотите, нарушение которого ведёт к игнорированию, падению авторитета, проклятию и каре. Поэтому язычник является аскетом, человеком дисциплины, образцом верности и порядка, у него нет другого выбора. Значит, нет и другой судьбы. Он так ей покорен. Из этой покорности и дисциплины массово происходит и концентрация власти. Её культ. Если нет внешней агрессии и бедствия, существует большая вероятность установления деспотии в этом месте.

В тот момент, когда недобросовестной, узурпировавшей власть верхушке удаётся выйти из междоусобной борьбы или отразить внешнюю агрессию, она отменяет родовую демократию и никто из так называемого простого народа не смеет выразить ей непокорность или сомнение. Они к этому по традиционной культуре и не стремятся. Протестовать, возмущаться не имеют привычки. Если есть какое-то отрицание верховного своеволия, то это делается молча, пассивным саботажем, а ещё раньше – откочёвкой. Речь идёт о чистой, без примесей первобытной среде. Люди рода привыкли к иерархии. Поэтому любой возникающий культ происходит

из этой привычки. Другими словами, они массово вспоминают о первом табу. А лидер ли это, то есть ныне живущий вождь или первобытный авторитет как культ, – не важно.

А фраер?

Представитель западной цивилизации рефаг стоит вне этого вероятного и всегда марширующего строя. Он сам по себе, своеобразным гурманом, потребителем жизни держится. Он намного гибче, ситуационно ловчее, в некоторых случаях терпимее и безразличнее, в некоторых – крайний догматик и фанатик, когда дело касается прибыли, а иногда просто обезличенный лицемер. Рефаг фраер сформировался в обстановке торговли и обмена, бедствий и войн, когда происходили крупные сделки и массовые перемещения избивающих и убивающих друг друга людей. Из поколения в поколение он умудрялся торговать, а в это же самое время зерефы убивали друг друга. Самое главное, он первым или одним из первых вошёл в чужой город без ружья. Эта терпимость произошла от нужды, вместе с развитием знаний у торговой элиты. А для массы буржуазии терпимость пришла вместе с растекающейся кровью, религией, которая заняла место доброго психолога и успокоителя в океане отчаяния и крови.

Побуждающим моментом к жалости и состраданию у языческих масс явился ужас. Наводящая ужас массовая смерть: от войны, болезней, геноцида и эпидемий – привела к рассуждениям и рефлексии. Задумался зереф. Хотя некая рефлексия есть и среди первобытных охотников. Критика, но не самокритика. Забота зерефов распространяется только на кровных родственников, а у рефагов – на совершенно чужих людей. Хотя в этих людях они видят прежде всего наживу. А зерефы видят только врагов. Терпимость массовая пришла вместе с массовой же бедой.

Религия.

Именно религия стала институтом жалости, направила поиск выхода для тревоги человека не вовне, а вовнутрь. Хотя совесть связывают с более древними пластами психики, массово совесть народа стала выражаться через его религию. Поэтому Ницше назвал совесть агрессией, направленной не вовне, а вовнутрь человека. Совесть и мораль являются внутренней идеологией цивилизаций. Одиночество язычника выражается не столько во внутренней нечувствительности, где-то и чёрствости к «не своим», к неродственникам по крови, и внешне аскетичном поведении, сколько в многочисленности его языческих богов. Нет ни одного из духов предков, кто бы отвечал за его поступки. Наоборот, являясь коллективом родственников, они также, вероятно, поддерживают в его сознании, что он венец природы. Может делать, что ведёт к благу его семьи, рода, племени.

Моральные нормы.

Моральные социальные нормы – нравственные императивы; требования определённого поведения, основанные на принятых в обществе представлениях: о добре и зле; о должном либо непозволительном. Моральные нормы регулируют внутреннее поведение человека, диктуют безусловное требование поступать в конкретной ситуации так, а не иначе. Моральные нормы фиксируются в заповедях и других формах представлений о том, как человеку должно поступать.

Язычник очень зависит от существующей атмосферы собственных нравов. Даже если в бытовой дисциплине присутствует ещё традиционная эстетика и культура с наскоками других идей, он всё равно подчиняется обстоятельствам среды. Любая современная идеология с её ориентирами начинает брать своё, занимает в его сознании место. Чем больше будет влияние других традиций и культур, тем больше он вынужден думать, выбирать, сепарировать, варьировать и маневрировать. Он выберет самую сильную из идей. Самую глубокую культуру. Среди современных течений, если он достаточно грамотен и имеет достаточную норму рефлексии (а значит, и прогноза, но это уже – зеремид). Или уйдёт, займётся поиском в наработках истории своего народа – упадёт в архаику (зереф). Если обстоятельства, а в данном случае этим обстоятельством является власть и привилегированное житьё, власть достаётся лишь тем

зерефам, кто вник, проникся другой культурой, это вынуждает дальше развивать в себе копи-ровщика, существует серьезная причина, что племя или народ его будут страдать. Сложные и большие категории другой цивилизации выдёргивают зерефа из рода, кровнородственной общины, теперь он опытен, он хитёр, он научился оценивать и продавать, почти как фраер, причём очень быстро, но сам народ к быстроте ещё не готов. И подчиняется только большим нациям, их культуре, поведению, где самая большая «нация» – теперь мировая нация. Вождь становится реформатором народа, а значит, и последним диктатором. Таким образом, уйдя не из сознания, а из селения по крови и родне, зереф попал в манящий, блистательный незнакомый город, наводнённый странными людьми. Они ведут себя по-другому, нежели люди его круга, его культуры, его родни. Он хочет стать равным этим новым людям. Хочет превратиться в гражданина, но и горожаниным любого города мира.

Потому идеология современной религии – это конкуренция.

Множественность рыночных поступков элиты несколько не лишает её старого опыта. Рынок ведёт к обогащению за счёт родни и расцвету нескольких избранных семей. Рынок создаёт корпорацию родственников, и конкурировать могут только сплочённые семьи. То есть это благоприятная среда для рода, для клана, это естественная корпорация объединённых по крови людей. В этом причина коррупции у тех народов, которые культивируют у себя традиционные отношения. Каждая семья становится корпорацией, если это большая семья, то большой корпорацией, она гораздо успешнее городских одиночек. Даже окултуренные горожане не могут конкурировать с ними. Традиционный народ может конкурировать только с подобным же народом, как цивилизация с цивилизацией. Таковы условия современного противостояния. Это борьба культур.

В данном случае противостоять нации может нация.

И её культурно-технические достижения. Специалисты могут противостоять специалистам. Мотивированные спецы превосходят алчных и оснащённых автоматикой родственников. Торговая цивилизация берёт верх. Народ разделяется на семьи – на главные и простые. Государства как такового нет, а есть семьи правителей, управленцев и семьи остальных людей. Совсем как при феодализме. Поэтому стратегическая задача цивилизации – мобилизация всех своих ресурсов – здесь мобилизует только узкий круг. Всё дело, что современная рыночная цивилизация на земле традиционной культуры и морали, на территории «идейного» населения начинает дробить конкурентов на части. На эти самые семьи-атомы, также на рода, потому что семьи начинают объединение по старой схеме одного рода против другого. Рыночная война почти что кровнородственная, но без обруча, скрепляющего данный народ, маленькая корпорация родственников – семья и представители других семей не хотят понимать друг друга, у всех свои интересы.

Если с этим не согласен некий патриот, тот самый, который оказался не подвержен влиянию других культур и не хочет этого влияния, видит выход только в чисто традиционном укладе. Что они могут? Чтобы объединить своих сторонников изоляционизма, они должны представить свой идеал или, другими словами, нового сильного бога. Только к нему за вдохновением обращаются адепты. Всякое язычество и культ предков будут им мешать. В противном случае адепты разбегутся сначала в своём сознании от непонимания друг друга. От непонимания новой старой задачи и цели. Допустим, культом предков удастся объединить под решение общей задачи, то есть каждый родовой божок и герой должен войти в один пантеон рода. Дальше на основе общего предка идет выработка героической морали. От прошлого к настоящему. Древняя история даёт богатый материал физически сильных мудрых предков, а современная цивилизация – ничего. Если современные авторитеты не берут начало от советской цивилизации – от советского мира, все значимые фигуры политики, культуры и науки – представители советского суперэтнуса. Таким образом, в глобальном противостоянии политика – политике, культура – культуре, история – истории есть ли специалисты у этноса, достаточно ли

они адекватны и подготовлены к современному вызову? Может ли героическая история, даже самые впечатляющие мифы туземцев, уравновесить рыночные ценности?

Настало время раскрыть эту тайну, недоступную для официальных и раскрученных СМИ дармоедов, – жирау от политологии, философии и прочей коммерческой публики. Все эти публичные люди врут. Даже самые внешне импозантные из них. Рыночная цивилизация поделила этот народ не только на вероятные племенные союзы, но и на отдельные семьи, где везде каждый сам за себя. Кто-то берёт сторону культа предков (традиционалисты), а кто-то – сторону Запада без обиняков (либералы НПО). Каждый бежит, куда хочет. Каждому нравится своя сказка.

Итак.

Табуированное поведение сужает границы внешней свободы и никакого рассуждения не оставляет внутри. Поведение нового члена общины формируется под семейную иерархию, а значит, и под родовую. В социальной иерархии его ждёт определённое место пока самого нижайшего статуса. Отличительное поведение характеризуется нечувствительностью к слабому, ограниченность эмоций или, наоборот, эмоций очень много, во всяком случае зерефу никак нельзя показывать слабость. Сочувствие всегда показывает слабость. Вероятно, также уважение к силе, а значит, к власти, официальной стороне и к её людям, к физической силе и наказанию вообще. Семья, род, группа людей находились в постоянных столкновениях с другими семьями. Борьба с силами самой природы привела к противостоянию и к перманентной борьбе за место под солнцем, что неизбежно вызвало создание племенных союзов. Некоторые отклонения возможны при бедствиях или изгнаниях. Без кризиса или форс-мажора нарушение традиции автоматом означает выход из родового коллектива, что и ведёт к отчуждению и прекращению всяческой помощи даже самым близким (даже самыми близкими). Традиция взаимопомощи в общем для этого и создавалась – для помощи близким, помощи своим и вместе с тем это же привело одновременно к неприятию и к вражде (ненависти) к врагу, сопернику, к чужаку, к не своему по крови. Поэтому род или большая кровнородственная семья с виду лишены противоречий, так же как и каждый член лишён персонального эгоизма. Каждый рядовой член такой общины своего я вообще не имеет.

Подобное характерно для любой традиции без исключения в том числе и для «продвинутых» европейцев. Но они научились это скрывать. Они переросли традицию. Деньги заменили у представителей рыночной цивилизации авторитет человека.

Кровнородственные отношения остывают и рвутся по частям из-за движения, а ещё точнее – по причине технического совершенства. Влияние прогресса на традиционные отношения связано с очередным изобретением орудия труда, улучшением техники, усложнением хозяйства. С движением и социальным разрывом происходит и разрыв по крови. А если рвётся такая связь, то пропадает и ограничивающее право. Нет патриархальной семьи – нет иерархии. Нет больше этой силы притяжения крови. Вместе с ослаблением иерархии и дисциплины падает и запретительная сила табу. В соседской общине родственников уже нет, врождённая иерархия отсутствует, появляются предпосылки для нового отношения, общения, так сказать, на демократической основе. Новые отношения выстраиваются не по праву рождения, хотя молодость всегда остаётся недостатком, синонимом неопытности, а значит, и слабости, – через века, через конкретные заслуги, показателем которых является социальная значимость поступков, а в дальнейшем и их стоимость, возрастает значение персонального подвига. Чтобы получить авторитет и лидерство, одного родства и знатности становится мало. А заслуга может явиться через какие-то общие проблемы, бедствия, болезни, войны и т. д. Эти новые возможности социальной награды дают начало для нового предвидения и нового же профессионализма. У кого какие проявляются способности. Для простого народа бедствие всегда было началом объединения, сращиванием в новый коллектив родственников, для гражданского или прото-

гражданского – единомышленников – с целью разрешения общей беды, следовательно, верности этнической, корпоративной и, в конце концов, государственной идее.

От крови к идее.

Происходит простая мобилизация сил путём их сложения. С самого начала сплочённость, верность лидеру, общине, народу происходит именно из понимания общей задачи – идеи. Эта общность естественная, органическая, а не искусственная и наносная. Отсюда же происходят герои, лучшие сыны и дочери отчизны, патриоты и просто даже граждане своего государства. Кроме того, кучная жизнь на ограниченном участке способствует быстроте реакции или прогнозу – будет или не будет столкновение. По-другому – быть или не быть войне с соседями. И есть ли время для подготовки и отражения внешней агрессии?

С развитием товарообмена или же денежных отношений потребность выгоды такую внешнеполитическую аналитику дополнила бы бытовой рефлексией. Её придумали сначала торгаши, с той, с внешней стороны, чтобы не попасть в зависимость, иными словами, не обсчитаться и не лишиться просчётом собственной свободы. Обыватели всегда любили свободу, но ещё больше – выгоду. Эти рядовые граждане или (уже) мещане изобрели свой расчёт, по-другому «рассудок», и таким образом расширили пределы своей защиты. Это и есть торгашеская рефлексия (рефажная в будущем. – Ревкон.). Регламентация гражданских отношений привела к обоюдному согласию. Подчинением закону был положен предел произволу внешнего (силовой вариант) воина-агрессора и внутреннего, сажающего на процент торгаша. Закон стал табу цивилизованного мира.

Да, автократ и диктатор, а также его люди поддерживают уровень послушания, как если бы они были жрецами первобытными. Им необходимо это послушание в первую очередь для власти. То есть эта власть будет стремиться к абсолютному послушанию и приучает к порядку.

Глава V

Род и мобилизация

Род – архаическая организация общества до появления частной собственности.

Природа непостоянна. Война была неизбежна. Воины обязательны. Если бы кровожадные родственники дожили до современных дней, то нынешнее общество ждало бы взаимное истребление. Трудно представить, но те же оставшиеся народы, доставшиеся в наследство из прошлого, повели бы настоящую войну по своим законам. Они захлестнули бы своими понятиями «кровь за кровь» весь мир. Хотя та же мафия – это и есть клан вне официального закона. Преступные группы скрепляют свое братство, как и двадцать тысяч лет назад воины первобытной зари – кровью. И ничто не может им, кажется, противостоять. Кроме самого времени. Главное препятствие, например для уголовных понятий, – есть атмосфера цивилизации, культ культуры, то есть самого прогресса. Если бы современные «отцы» могли набрать себе подобных «родственников» хотя бы в один миллион, они могли бы многое, очень многое. Но они ничего не могут. Почему? Потому что отстают в культуре. Поэтому культ преступного мира – силы, страха и жестокости – не выходит дальше окраинных улиц мегаполисов и тюрем. Это атмосфера родового строя, вернее изнанка, более подходящая традиционным людям, их культуре. Есть, конечно, ещё отцы с условным родовым «я», которые верховодят вполне естественно и подчиняют тоже массово традиционные народы. Но сама культурная обстановка или воздух цивилизации позволяет им паразитировать только на традиции, на её инерции. Им подчиняются консервативные люди. Современные зерефы могут быть даже модно одеты. Но не произойдёт ничего необычного, если этих самых модно одетых переодеть в одежды их предков. Одежды предков даже им больше подойдут. А почему?

В консерватизме лежит явный признак патерности.

Сегодня иерархию крови любая консервативная верхушка легко меняет на иерархию должностей. Для традиционного общества это нормально, но с точки зрения гражданского мышления эти люди кажутся отсталыми. Надо ли мешать? Ведь они опираются на традиционную культуру, на культуру народа, на потребности большинства людей. Для рефагов эти люди кажутся отрядом военных, переодетых в гражданскую униформу. Нет никакой демократии, никто не может заменить феодальную элиту, хотя эта система, этот переодетый отряд рекрутирует в свои ряды даже самых бедных. Традиционная элита требует безоговорочного признания своего авторитета. Кто признаёт эти правила, а такого признание она всё равно добьётся любыми способами, тот и получает вознаграждение – власть, должность, работу. Нельзя сказать, что дисциплину как условие признают только части бедных или необразованных слоёв. Хотя с самыми низами феодальной элите легче иметь дело. Они прекрасно знают, что получают взамен своей покладистости. Цивилизация, или так называемая гражданская мораль, ставит им как бы противоестественную преграду на пути. Культура и образование, таким образом, феодальному миру мешают, хотя на законы все воспитанные на традиции люди не обращают никакого внимания. Отсюда у зерефов совершенно явный правовой нигилизм. Всё решается неформально. Все знают, кто есть власть, а кто есть ты. Кто ты вообще такой? Это самый первый вопрос среди зерефов, когда они друг на друга смотрят. Не только разные мафии и все группы на основе родового принципа так себя ведут. Все зерефы законов не любят. Им по сердцу другой закон. Но это не смущает «родственников». Все законы для формы. Это и есть конвергенция традиционного мира и мира обычая. Одни пишут законы, другие делают вид, что они есть. Все законы мира – для законопослушного обывателя. Для родственников главное не закон или какие-то жёсткие и кружевные нормы, а мораль. Законопослушность сама

по себе символизирует беззащитность. Законопослушный есть жертва. Они собирают свою жатву осторожно, озираясь по сторонам. Союзы на основе кровнородственных связей могут терроризировать целые континенты. Но и тут родственные союзы, собранные по этническому признаку, используются международными преступными синдикатами. В отдельном же государстве, поддержанном мировым сообществом, как бы случайно водружается автократия. Как так? Откуда? Кто мог знать?

В основе родовой системы лежит принуждение.

Род обязывает на основе кровного родства нести повинности. Род – это мобилизационный проект всех народов мира. Просто одни помнят своих предков, а другие про них забыли. В этом основное отличие. Функции каждого отдельного зерефа вытекают из сложившейся иерархии, следовательно, по возрасту, потом по знатности. Каждый несёт и свою меру ответственности, хотя зереф никогда не знает, что это такое. У зерефов слабая рефлексия. Он знает, что за неповиновение или плохое исполнение его накажут. Назначение мобилизации – противостояние. Противостояние стихии. А к факторам опасности относится не только окружающая природа или среда. К факторам опасности относится другой род, род соседей или неизвестных племен пришельцев, которые явились не для того чтобы разглядывать.

Главной фигурой рода является мужчина.

Обычно это умудрённый опытом старик, он возглавляет всех мужчин, весь народ. Отсюда и патернальность. Отцы семейств имеют такое же право поощрять и наказывать своих детей. Но в первую очередь защищать. Главная функция рода – это защита. Это патернальное общество, защитник – он же и покровитель. В дальнейшем именно патернальность будет самым главным отличительным признаком родственной общины даже в современной городской обстановке.

Высшие показатели покровительства и защиты у кровнородственных союзов, а в дальнейшем такие проявления наблюдаются в империи. Рабовладельческие империи выступают как организации чёткого внеэкономического родового принуждения. Варварская периферия, племена и роды, не достигшие союза, военной мобилизации служат питательной средой, за счёт которой империи передового – римлян, персов, тюрков, монголов, ханьцев, англосаксов, русских – рода достигают процветания. И вновь военизированный союз построен на силе – держится на авторитете центра (метрополии), как видим – такая же родовая система соподчинения. Империи – это рода, хотя о кровном родстве всех граждан империи речь не идёт, а главными признаками подобия древнему роду и его функции являются дисциплина и многоступенчатая иерархия.

Жёсткому скрепу по крови, превращающему родовые союзы из собрания воинов в империю, соответствует единая вера. Или её новые формы – идеологии. Империи не могут быть без цели. А какая цель у традиционного человека? Зерефы должны верить, что они достигнут сообщая своего идеала.

Первые боги – это боги природы.

Если зерефы такие строгие отцы-наставники, если они создают бескомпромиссное подчинение, значит, они сами у кого-то учились. Почему же они должны быть мягкими, когда сама природа вокруг была веками не такая и добрая. Может, оттого и языческие боги зерефов не знают пощады, поэтому – это боги стихии, самой природы, окружающего ландшафта. А какие жестокие войны ведут между собой традиционные общины! И тоже – никаких компромиссов. Такие отношения – как производные жестокости природы. Тоже бескомпромиссные. Вот и первые боги у зерефов, они же боги природы, представлены как одно целое (универсальное), как один отец, затем разделены на стихии, каждой стихии – дождя, огня, ветра, солнца, урожая, потом удачи, победы, любви, войны – соответствует какой-то бог-чиновник. Чиновник природы, чиновник стихии. Почему же современному чиновнику зерефу не быть таким же феодалом? Что касается выгоды, этот чиновник очень требователен и жесток. Он настолько

повторяет атмосферу прошлого, что его невозмутимость и уверенность, что он делает всё правильно, является вопросом жизни или смерти. Здесь не может быть других вариантов объяснения автократии. Сильный подчиняет слабого. Слабый подчиняется сильному. Из двух равных по силе один подчиняется или погибает. И родовому сознанию больше соответствует девиз: «Око за око, кровь за кровь». И боги такие же кровожадные и бескомпромиссные. Эта кровожадность и бескомпромиссность позволяла удачливому родовому союзу выжить даже в рыночной «войне». Они торгуют и совершают сделки, как будто бы они всё ещё воюют.

Все империи агрессивны.

Почему социумы, сохранившие родовую солидарность, более живучи в современном городе? Особенно это видно по базарам – по рынкам мегаполисов развиваются их неформальные знамена. Потому что они исповедуют принцип родства. Они собирают как бы братьев по крови. Это касается не только великих знатоков торговли, – евреев. Их братские и союзы закреплены в иудаизме. Итак, базары – маленькие и стойкие корпорации собранных по этническому признаку людей. Кто бы ты ни был и какую бы пользу ни приносил, в собрании лиц одного этноса у тебя нет голоса, нет и права. Если ты не свой, ты – чужак. Родоплесь решает свои частные вопросы основательно. Они не утруждаются чужими проблемами, и государственными в частности. Только проблемами близких. Поэтому им легче выжить. В узких рамках и на малой площади решают навыки, а не кругозор. Хотя и здесь появляются некоторые паханы-авторитеты. Но и кругозор паханов весьма ограничен. Пахан имеет одну привилегию. Он может наказать, не ограничивая ничем свой произвол. А чем ограничивать? Поэтому паханами назначаются вполне неформально. Пахан, как все отцы, должен обладать силой. И физической в том числе.

А умеют ли родоплесь рассуждать самостоятельно? Ведь они не имеют такой возможности с рождения. С момента появления на свет они приучаются к порядку. Так было и до них, так было и до их отцов. Инициатива наказуема, и рассуждение не приветствуется за тысячу лет до описываемых событий. Вот оно – смирение – обратная сторона войны. Поэтому людей с родовой привычкой легко организовать в преступные союзы, – мафию, хоть экономическую, хоть мировоззренческую. Их легче собрать в одном месте и научить говорить одни вещи. Поэтому культ очередного авторитета возникает сам собой. При патернальном укладе родовым союзам легко существовать, а клану нетрудно жить в любом мегаполисе. Их союзы напоминают военные группы. Они связаны круговой порукой, почти клятвой-присягой. В цивилизованных местах, где население пытается строить отношения по интересам, по культуре, по закону, в конце концов по «человек человеку друг – сосед-компаньон», клановые союзы организуются по «человек человеку чужой – соперник и враг». Всё замешано на родстве или на крови. И клятвы тоже скрепляются кровью. «Родовые» народы хорошо стучат, оговаривают «чужих». Это самостоятельное избиение выскочек. Поэтому национализм в виде течения политики тут опасен. Национализм может быть у нации. У зерефов национализм – это война.

Зерефы любят смиренного послушного дитя. Они сами как воины древности, а их дети как зерефный тыл. Строптивое, непокорное дитя, рождённое в нижней касте, необходимо сломать. Заранее и любыми средствами-способами. Без этой родительской «ласки» дети обречены тут же на гибель. Строптивный сын «смирных» родоплесов обречён. Потому что выходит из семьи на конфликт с общиной, с родом, с племенной иерархией. В любом её виде, даже в замаскированном и современном варианте. Поэтому у политической надстройки всей зерефной системы – автократии – нет оппозиции. Что не доделал глупый отец, доделают чиновники, люди отца народа.

Беда. Кризис.

Традиционные общины весьма косны. А встряхивает и перетряхивает все касты только общая беда. Кризис. Беда она как предел зерефной косности. Эту беду они создают сами конформизмом и негибкостью долгое время. Как же так? Именно мужество и дисциплина были

слагаемыми успеха. Всё верно. Всему своё время, однако. Все зерефы мира видят начало, но не видят конца. Это передаётся из поколения в поколение – видеть только начало. Мужество реально переходит в смирение, а массовое терпение обращается неизбежной тиранией, культом. Община родовая должна тоже ломать своих «детей». Оттого, что все видят только начало, но не видят конца, многие зерефы путают мужество со смирением. Это не случайно. Хотя смирение есть продолжение мужества, смирение и покорность существует в социальных низах. Так, смиренные, прикормленные властью в новых условиях приучают к повиновению всех людей, весь народ. Проблема традиционного мира, что он не желает перестроиться, все отцы декларируют, что хотят жить как их предки. А как жили предки? Они жили тихо. Это было в истории. Это становится основным поведением и в современной сетке. Даже несмотря на влияние и присутствие рядом передовых культур, других народов. Передовое всё конечно же принимается и перенимается, но только как дополнение к «заветам». Как показывает практика, от своего опыта предков, значит, от своей же культуры отношений отказаться невозможно. Система использует смиренных, использует кровнородственные связи, как и раньше, как в прошлые века по неведомым и незаметным социальным инстинктам. Так родовая система возрождается на государственном уровне, конечно, это уже не тирания и не деспотия, как было в средние века. Но если приглядеться... одеть в модную одежду можно и Чингисхана. Вот система нового старого мира и одевается. Настоящая «одежда» тут другая.

Цели традиционной элиты выглядят сверхмеркантильными.

Это и есть влияние торговой цивилизации на род. Хотя консерватизм зерефов тут же превращается в тормоз. Если бы в те далёкие времена кровь за кровь превратилась бы в смирение за смирение, это племя вырезали бы очень быстро. На современный лад смирение и покорность используется только государством. Но и это совсем не означает, что с этим согласны соседи. Смирные пропагандируют смиренность в своих же интересах. С этой же целью они распространяют везде некий культ, очередной, как обычно тут случается.

В это самое время цивилизация, которая есть серия превращений родовых коллективов в общину без памяти, объявила уже войну культурой. Чем бы ответили зерефы? А чем путешественнику Колумбу ответили индейцы араваки? Только любопытством и глупостью. Роду-то или зерефам нечем ответить. Вот они и отвечают дисциплиной или внутренней административной. Они повышают дисциплину внутри себя, внутри социума. Автоматически. Чем больше будет цивилизация на них давить, тем больше будет автократии внутри зерефов. Чем больше демократии снаружи, тем больше тотальности внутри. Это симметричный ответ рода. Демократия может состояться тут только военной сутью. Это скрытая, но военная демократия. А если только военной сутью, значит, требуется состояние вечной «войны», точнее, замены настоящей войны на войну внутреннюю. Почему же так происходит? Потому что местная элита создала свою корпорацию для торговли. Этот военный отряд в виде переодетых в гражданскую одежду людей приготовился торговать всем народом. Но сам народ про это не знает. Про это знает только правительство автократа. Автократ знает, как надо торговать.

Истоки.

Расцвет родового общества приходится на рабовладение. Рабовладение как выражение человеконенавистничества, вернее человеческой жестокости. В это время человек был страшно груб, в той же степени, как и человек неолитический, но грубость есть выражение самой природы. Грубость даёт возможность выжить. Война как внеэкономическое принуждение составляет систему воспроизводства, следовательно, и процветания рода. Слабейшие народы платили всем дань. А некоторые даже исчезли с лица земли. Цивилизация приучала любить цветастых бабочек и пушистых кошечек и потому дорого платила всем грубиянам. Зереф в этих делах не чувствителен, не сентиментален, у него нет гуманистических полутонов, да и вообще полутонов. Если он хочет, он получает – грубо, точно, инстинктивно и «по-род-

ственному». Он быстро находит себе подобного, неважно кого, его новым братом может быть мещанин другой национальности. Но лучше если он встретит своего земляка, вариант – друга детства, однокашника, товарища по прошлой работе. В результате, если же это «общество социализма», то правители будут сплошь из посредственных троечников – бесхребетников и исполнителей. Если это общество передового рынка, то мафия будет из собираться из интернациональных мещан. А нижайшие ступени родовых корпораций в системе род – государство займут реально этнические родственники, они же торговцы или бандиты.

Прежде чем человек грубый стал человеком феодальным, перед глазами его этноса пролились потоки чужой и своей крови. Они передали ему по этнической памяти культуру поведения. Эти перипетии кровавого общения и потоков крови и дали человека рабовладельческого, прежде чем рабовладение перестало иметь экономический смысл.

Право на свободу есть право на частную собственность.

Как известно, родовая община имеет коллективную собственность и индивиды её имеют только личные вещи – талисманы талисманов. Индивидуальную свободу отрицает сама жизнь. Это выстраивающийся в любую минуту военный строй или выступающие для откочёвки тележки. Родовой строй возникает на лимите материального воспроизводства. Вообще лимите. Это война всех в первую очередь с природой и злыми соседями, также страдающими от природы. Поэтому подобно капитализму, который вынужденно национализует банки и сырьё на момент военных действий с другим империалистическим государством, родовая община «национализует», вернее обобществляет все вещи обихода. И происходит это через дисциплину и иерархию. Чтобы противостоять мировому роду или роду мира. Таковы законы бытия.

Что такое талисман.

В одиночестве, после боя или охоты, он переносит переживания на неодушевлённый предмет. Зереф шепчет какие-то заклинания. Он трёт чурку о чурку, зуб о камень. Это успокаивает. Это даёт вдохновение на следующий день, для следующей охоты. Так появляется талисман, предтеча талисманий. Талисман – это религия одинокого человека. Язычество – религия язычника. Хотя все зерефы живут в коллективе. Никто не может ему посочувствовать. Все братья сочувствуют только больному, немощному. Коллектив родственников – это коллектив помощников только в момент опасности. В мирное время этот строй превращается в иерархию. Негатив и агрессия переходят на внутреннее потребление. Отсюда у зерефа в руках его талисман.

Иерархия – это вероятность опасности, значит неизвестное что-то впереди. Воин не знает переживания. Воин знает только страх. Но он не должен его показывать. Что кажется работой сознания, разума, на самом деле является рабочим состоянием. Никто же не скажет, что волк переживает. На морде хищника нет даже мышц, кроме как для захвата жертвы. Зереф мобилизован в любую минуту броситься на защиту – рода, семьи, территории. Он знает приказы и место в строю. Он знает свою силу. Вне боя и боевых действий заняться ему нечем. Тут он одинок. У родового есть семья, есть родственники, он человек клана. Но он выглядит одиноким. Почему? На самом деле он рад помощи, но не может доверить свои страхи. Он – воин. Мужество – добродетель всего язычества. Ещё раз: воин дисциплинирован и одинок. Это биологическая машина для войны. Его одиночество определено суровостью жизни и обеспечено системой родства. Вся жизнь проходит в виде ритуалов, автоматических действий, повторения опыта других. Отец передаёт сыну навыки охоты и бытия, потому что он отвечает за сына перед коллективом до самого взросления. Круговая порука родственников также имеет экономическую и социальную причину. Каждый отвечает за каждого. Отец за сына, кровь за кровь, око за око. В генах эта информация как в музее. И поэтому консервативные элементы всевластия старого поколения на современный лад легко просчитываются. Молодые умолкают и устраняются, старые возвращаются в круг и ведут воспитательную беседу. Беседа – это условность. По-другому – активный образ зерефной жизни.

Современный кризис, таким образом, не может не вызвать рецидивы музея. Потому что при родовом строе старость – это не только признание дисциплины, это доверие жизненному опыту. Музеи выстраиваются один за одним. Культ павших, культ предков, культ стариков цветёт. Всё обращено назад. Впереди вождь, а сзади культ. Посредине пустота. Ничего нет.

Живущие в одной обстановке, среди природной стабильности при постоянстве окружающей среды не нуждаются в инициативе сверхактивных одиночек. А нуждаются в дисциплине и подчинении тоже из-за суровости того же самого климата и обстановки. Старики, как только им даётся слово, снимают с себя какую-либо ответственность, в худшем случае перекладывают её на далёких предков, в лучшем случае на вождя, – на оба фактора одновременно. Это не значит, что они его изобличают. Нет. Они говорят, что доверяют его инициативе. Так у зерефов снова получается диктатура, воспроизводящая очень древнюю ситуацию. Зерефы не берут на себя ответственности. За всех может ответить только род. Он и берёт. Впереди вождь, сзади культ. Остальное переносится в стан врагов.

Маразм.

Впереди вождь, администрация, его люди, сзади обязательно общие предки, – новый отряд готов. Это и есть род. И рядовые общинники, по-современному граждане, не признают никого, потому что не видят себя. Не видят себя, это означает – не уважают себя. Это объясняет зависимость слабых созданий от мнения сестры или брата. Самый приятный всем субъект – немощный и не воспроизводящий семени старец. Круговая порука заставляет любить эту физическую развалюху на все случаи жизни, а в трудные периоды с особенной силой. Эта сила отчаяния, которая замещает мирную зависть. Все поколения снимают с себя ответственность, остаётся лишь то, которое не может даже физически ответить, не понимает, что происходит вокруг. Немой, глухой и беззащитный маразматик – получается, идеал традиционного коллектива? Нет, эта ситуация даёт сбой.

Язычество это – религия одиночек.

Военная организация или псевдовоенная, сохраняющая псевдовоенную форму, диктует соответствующую религию. Путь родовой идеологии и религии. При родовом строе нет религии. Есть страх одних и тотальная свобода других. Страх – это рабы, а свободны – господа. Это своеобразная дубликация стихии. Стихия символизирует страх, свобода – победу над стихией. Военное разделение. Рабы – бывшие противники из завоёванного племени. Боги также – властелины стихий. Кто властелин стихии – тот и свободен. Боги в этом смысле свободны. А царство первого господина подобно богам. Боги лишь дублируют земную усобицу между свободными. Бог воды, бог земли, бог дождя, дух очага, дух реки и прочие духи борются и побеждают стихии. Они в полной их власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.